

Яна Жемойтелите

ВЫСОКО-ВЫСОКО...

*Часть сборника
Один из лучших дней (сборник)*

Яна Жемойтелите
Высоко-высоко...

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Жемойтелите Я.

Высоко-высоко... / Я. Жемойтелите — «Эксмо», 2014

«...В юности мне никак не верилось, что можно родиться, жить и умереть в одном и том же городе. Всю жизнь ходить теми же переулками, общаться с теми же людьми... Тем более если это маленький город, такой как наш. Лет до восемнадцати впереди еще маячила сверкающая неизвестность. Потом незаметно проросло ощущение бесконечного повторения и полного отсутствия какой-либо новизны, тем более что все то относительно новое, что еще случалось, разило простотой нравов рабочей слободки, которая нам, девочкам из более-менее интеллигентных советских семей, представлялась не просто дикой, но даже вынырнувшей из сермяжной правды горьковского «Дна», «пережитком прошлого», на которое по привычке списывали недостатки советского образа жизни...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Жемойтелите Я., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Яна Жемойтелите

Высоко-высоко...

Бренд «Высоко-высоко» дает возможность посмотреть на мир глазами ребенка.

Из рекламы молочных продуктов

Где-то там – музыка ветра, высоко-высоко. Каждый день проходя мимо, я так и не могу уловить, на чьем же она балконе. Деревья колышутся, и в шуме ветвей звучит едва уловимый перезвон. Высоко-высоко, дальше – облака, быстрый бег которых обозначает скорость вершинного ветра, вечное перемещение воздушных потоков, а тут, внизу, только легкое дребезжание, доносящееся до меня. И теперь все чаще кажется, что это отзвуки самой жизни, протекающей по соседству, но только не здесь. Моя собственная жизнь проскочила мимо, это совершенно ясно. То есть я попросту ее не заметила.

В юности мне никак не верилось, что можно родиться, жить и умереть в одном и том же городе. Всю жизнь ходить теми же переулками, общаться с теми же людьми... Тем более если это маленький город, такой как наш. Лет до восемнадцати впереди еще маячила сверкающая неизвестность. Потом незаметно проросло ощущение бесконечного повторения и полного отсутствия какой-либо новизны, тем более что все то относительно новое, что еще случилось, разило простотой нравов рабочей слободки, которая нам, девочкам из более-менее интеллигентных советских семей, представлялась не просто дикой, но даже вынырнувшей из сермяжной правды горьковского «Дна», «пережитком прошлого», на которое по привычке списывали недостатки советского образа жизни...

Нам – Маринке и мне.

Сейчас я бы сказала, что не воспринимала царство социализма на эстетическом уровне. Что мы выросли где-то на Сатурне. Сатурн – так любили называть кинотеатры, дома отдыха, стадионы и пр. На планете Сатурн всегда было темно и холодно. Точно так же я ощущала себя внутри сквозящего пространства зданий из стекла и бетона постройки семидесятых, или времен развитого социализма. Почему темно? Потому что помнятся из юности только долгие суровые зимы, подсвеченные лампами мертвенно-дневного света, и с отоплением в ту пору было как-то неладно, вот мы и мерзли, укутанные в свитера да еще рейтузы, растянутые на коленках. Огромные, в полстены, окна дворцов пионеров, горсоветов и прочих советов символизировали, наверное, всеобщее устремление в небеса, недостижимую сияющую высоту, космическо-коммунистический запредел, но в то же время создавали неуют земного бытия.

А где-то в параллельном мире существовали иные города – Париж, Лондон, Нью-Йорк, Хельсинки, Стокгольм, о которых мы знали только, что они точно есть и что там безработные ночуют в метро. В нашем городке метро не было, безработных тоже, но мне с самого начала жить в нем представлялось чрезвычайно скучно, несмотря на школьные праздники и коллективные походы в кино. Мне казалось почему-то, что все это не по-настоящему. Вдобавок я много читала в детстве, и теперь, ныряя назад, в пионерские годы, я прежде всего вспоминаю гнилые английские болота из «Записок о Шерлоке Холмсе», холмы Шотландии – из Бернса, морские пейзажи – из Грина. Вообще оказалось, что все инобытие – в том числе Париж, Хельсинки, Стокгольм – состоялось именно в моем детстве и в моей голове. В реальности на их месте обнаружилось что-то совсем иное.

Я давно убедилась, что нам показывают только фрагменты, обрывки реальности, из которых мы сами выстраиваем цельную картинку в своем воображении. Поэтому так разнятся наши воспоминания. Например, я помню, что, когда нас с Маринкой принимали в пионеры – там, на Сатурне, – в кинотеатре после торжественной линейки крутили кино про

Зину Портнову. А мы с Маринкой сидели, взявшись за руки, и смотрели не дыша, как партизанка шла на свое последнее задание, готовые, честное слово, погибнуть вместо нее. То есть это я так помню. А Маринка утверждает, что кино было про Зою Космодемьянскую и что после кино мы пошли есть мороженое. Этого мороженого я совсем не помню, в моей версии мы вернулись в школу и был обед в школьной столовке – противное картофельное пюре со склизкой котлетой.

* * *

Белый халат сидит на ней немного нелепо, хотя я даже не могу объяснить почему. Врач как врач. С густыми темными волосами, собранными в высокую прическу, почти без косметики, как и подобает врачу, только два небрежных мазка помады, ногти аккуратно подрезаны. Я вообще не помню, чтобы она когда-либо делала маникюр. Кажется, даже на собственной свадьбе была с естественными ноготками, едва приведенными в порядок. Она входит в палату балетной походкой с носка, усвоенной еще в детстве, поэтому выглядит изяшно, несмотря на некоторую полноту, в простых туфельках без намека на каблук.

– Как, бабушки, самочувствие?

Голос у нее теперь низковатый, грудной, и это новое обстоятельство заставляет меня усомниться, не ошиблась ли я.

Она по расписанию навещает старушек, и бабушки, кряхтя, присаживаются на кроватях – те, которые не в силах передвигаться самостоятельно, а это как раз мои читательницы. В прошлый мой приезд врача не было, зато в палате чинили кран: Софья Лазаревна, которая любит Пушкина, не спала целую ночь из-за методичного «кап-кап-кап». За отсутствием сантехника краном занимался завхоз с бархатными карими глазами и лысиной во всю макушку, которая, кстати, его ничуть не портит, то есть он так именно и ворчал, что он завхоз, а не сантехник, чтобы чинить кран с сорванной резьбой, причем левой, которая почему-то оказалась закручена вправо. Как это возможно, я не поняла. Но только подумала, зачем этот человек работает завхозом в этом доме престарелых с такими удивительными глазами. Хотя, возможно, у завхозов тоже плохо с работой, как и у филологов. И его бархатные глаза служат бабушкам в утешение. Потому что дом престарелых – уж очень депрессивное место. Из него есть только один выход – туда, откуда уже никто не возвращался. Просто однажды пустеет казенная кровать, и я не хочу больше об этом.

В палате пахнет старческим телом и еще чем-то заскорузлым, хотя вроде бы чисто. Так еще пахнет в коммунальных квартирах – запах едкий, въевшийся в штукатурку. На столике у окошка пара чашек со спитыми пакетиками чая, леденцы «Дюшес» и горка засохших мандаринов, которые бабушки наверняка оставляли на «лучший день», пока мандарины не превратились в подобие камешков. Кто приносит им мандарины? Или мандарины даются на полдник?.. Стоит мне увидеть мандарины в комплекте с чаем и сушками, как я моментально проваливаюсь в детство, в предновогодье, когда именно случались мандарины и по вечерам чай с сушками. Моя бабушка за отсутствием зубов макала сушки в чай... И теперь при одном взгляде на мандарины меня охватывает огромная беспомощность, точно как в детстве, поэтому я стараюсь не смотреть на столик с мандаринами, уткнувшись в свои формуляры.

Врач с высокой прической измеряет давление Софье Лазаревне, которая любит Пушкина. Между тем соседка ее по палате, сухая старушка Казимировна с остатками волос на темечке, покачиваясь взад-вперед по обыкновению, будто в такт невидимым часам, отмеряющим остаток жизни, говорит мне отрывисто, как будто отчитывая:

– Инна, я же просила купить мне новые носки. Почему ты мне не принесла?

У Казимировны ярко накрашены губы и брови. Она принимает меня за свою дочь Инну, но отвечать ей не стоит, потому что Казимировна все равно не слышит ответ. То есть слы-

шит, но не понимает ничего из того, что ей говорят. У Казимировны под подушкой лежат игральные карты, и в этом есть что-то неизмеримо трогательное и близкое. Моя бабушка любила играть в карты и научила меня. А дедушка ей запрещал, полагая, что якобы это дурные манеры, но мы с бабушкой все равно играли исподтишка. И все-таки я вздрагиваю всякий раз от имени Инна. Оно звенящее и холодное, как сосулька, с которой срываются мне за шиворот ледяные капли.

Жужжит тонометр.

– Давление классическое, сто двадцать на восемьдесят, – произносит врач.

Упрямый завиток выбивается на лоб из ее высокой прически, она привычно поправляет его, и этот жест меня окончательно убеждает.

– Амлодипин пока не принимайте. Кто вообще вам его выписал? Если еще скакнет, тогда вернем.

– Инна, купи мне носки, – настаивает старушка Казимировна. – Я совсем обносилась, у меня дыра на дыре.

Говорят, что она бывшая актриса, которую некогда бросил любимый муж, и она даже хотела отравиться. Не получилось. Но именно тогда она потеряла почти все волосы и потом носила парик. Все это мне рассказала Софья Лазаревна однажды, когда Казимировну увезли на процедуры. Тогда же я узнала, что Софья Лазаревна – заслуженный работник культуры, поэтому не любит, когда у Казимировны ненароком вылетают матерные словечки.

Врач с высокой прической, оторвавшись от Софьи Лазаревны, пристально глядя на меня, переспрашивает:

– Так вас зовут Инна?

– Нет. Меня зовут Анна. Она принимает меня за свою дочь, – я отвечаю с улыбкой, потому что точно не ошиблась. – Я тоже не сразу тебя узнала, Марина.

– А вы знаете, сколько слов было в лексиконе Пушкина? – освободившись от уз тонометра и присев на кровати, неожиданно выдергивается Софья Лазаревна. – Двадцать четыре тысячи. Это непревзойденный рекорд активного словаря всех времен.

У нее до того назидательный тон, что я успеваю подумать: наверняка бывшая учительница.

– А у вас в запасе сколько слов? – Софья Лазаревна напирает будто бы с осуждением.

– Ой, не говорите, Софья Лазаревна, одни ругательные остались, – на смехе отвечает Маринка, и я невольно удивляюсь: вроде бы это на нее не похоже. Она всегда была слишком серьезной.

Потом мы смеемся с Маринкой в коридоре перед местной молельной комнатой, где по воскресеньям батюшка проводит богослужения. На дверях висит устрашающий плакат: «Покайтесь!» А мы смеемся скорее нервно даже, чем радостно. Потому что мало повода для смеха в этом месте, где нас угораздило встретиться, и еще потому, что нам не так далеко до Софьи Лазаревны с Казимировной, то есть до того возраста, когда угасающее сознание будет выдавать застрявшие в нем фразы вроде словаря Пушкина, которые адресованы, собственно, никому. Это только кажется, что лет тридцать еще можно пыхтеть на полных парах. Что такое вообще тридцать лет? Да мы ровно столько не виделись со дня Маринкиной свадьбы. Она уехала с мужем в Саратов, пару раз на Новый год присылала открытки, из которых я узнала, что у нее родился Павлик. Покайтесь! Многие обитатели этого дома уже и не помнят, в чем им следовало бы каяться. Все прошло, отшумело, плоть сбежалась и ссохлась, как те мандаринки на тумбочке. Истончилась в преддверии инобытия.

Но Павлик ни за что не отправит маму в дом престарелых. Как бы там ни было, я уверена. Потому что Маринка наверняка правильно его воспитала. Она сама была слишком правильной для нашего времени полураспада социализма, когда мы вроде бы еще верили в незыблемые ценности.

В то время зимой очень рано темнело. Ну да, время было «зимним», то есть в три часа пополудни подкрадывались мягкие сумерки, а к пяти мир погружался в абсолютную черноту. Я боялась темных подворотен и черных зевов подъездов с выкрученными лампочками. Как родители могли выпускать нас одних в эту долгую ночь? Ко мне реально пару раз приставали в подъезде, и мне как-то удавалось выскользнуть, хотя я никогда не отличалась ловкостью. Потом однажды парень втиснулся за мной в телефонную будку, и я ударила его трубкой по голове. Родители над моими рассказами только смеялись, вероятно, почитая за выдумки. И вот что странно, стоило мне выпить дома чаю с сушками и вареньем, как мои собственные страхи улетучивались и в самом деле начинали казаться нелепыми, смешными. Теперь именно за это я не люблю детство: тебя считают недоумком, недочеловеком, переживания твои представляются вовсе никчемными на фоне серьезных взрослых проблем. И ты сам полагаешь себя таким. И хочешь наконец повзрослеть, надеясь, что с возрастом приходит и ум. Потом, действительно немного повзрослев, я с удивлением обнаружила, что далеко не все взрослые – умные люди. А я ведь думала, что все.

В отличие от меня, далеко в себе не уверенной, Маринка шествовала по жизни своей балетной походкой, гордо откинув головку и задрвав крупноватый античный нос. Она даже к доске так выходила, с твердым убеждением, что ответит на «пять». А ноги у нее были ей-богу как циркуль. Длинные и прямые. Особенно это было заметно на физкультуре, когда она легко перемахивала через планку. Скорее всего, в ней обитал твердый принцип: наш мир правильный, как монолит, и ни один камешек не может выпасть из его стены. И эта ее внутренняя убежденность каким-то образом действовала на окружающих.

Маринка без всякого стеснения до десятого класса щеголяла в войлочных бурках и простых колготках, которые к тому же были в дефиците, поэтому их приходилось периодически штопать. Она спокойно могла явиться в школу в колхозных резиновых сапогах, если на улице была слякоть. А я не могла! Я не любила школьную форму, особенно белые воротнички, которые казались мне чем-то чрезвычайно жеманным и звучали диссонансом с растянутыми на коленках рейтузами и бурками или резиновыми сапогами. Почему страна не выпускала обычные женские сапоги? Этого никто не знает даже сейчас. Но именно растянутые рейтузы и резиновые сапоги подтолкнули меня к выходу из созависимого состояния с социальной массой, – как сказали бы психологи, хотя только на уровне мыслей, которые я не доверяла вообще никому. Потому что еще сомневалась в собственной правоте. Ну, когда по радио передавали песни о том, как хорошо, как счастливо живет в нашей стране, я слушала с опасливым сомнением: неужели это и называется счастьем?..

Я сомневалась даже на Маринкиной свадьбе. Маринка, ко всеобщему удивлению, умудрилась выйти замуж в восемнадцать лет. В совхозе на картошке с мальчиком познакомилась. Ну, там на грядках все были в резиновых сапогах и растянутых рейтузах, да и вообще, говорю, она просто никогда не комплексовала. Даже по поводу прыщей, которые мучили нас обеих. То есть это я переживала, а она – ничуть. Подумаешь, прыщи. Пройдут! И вот на свадьбе в кафе «Молодежное» – безалкогольной по тогдашней моде! – невеста была с косой до пояса, перевитой ниткой жемчуга, и в русском сарафане, а жених в вышитой льняной рубахе, подпоясанной кушаком. И вроде бы они были абсолютно погружены друг в друга. И вроде бы все вокруг веселилось. Или делали вид, что им весело. Черт! Мне и тогда казалось, что все вокруг только притворяются, в том числе и жених с невестой. Но почему? Вроде их отношения были примером для подражания. «Представляешь, Юра Мариночку даже ни разу не поцеловал!» – хвасталась мне перед свадьбой Маринкина мама. Вроде бы они оба являли собой эталон, что такое хороший парень и хорошая девушка. Вскоре они переехали в Саратов – Юре родители построили там кооперативную квартиру. Им вроде бы полагалось завидовать, а вот как-то не хотелось. Не верилось почему-то в их советское семейное счастье.

Вообще слово «семейное» у меня с детства ассоциировалось с моделью семейных трусов. Семейное – это что-то такое сермяжное, утилитарное, лежащее за гранью эстетики.

И вот теперь эта хорошая, слегка располневшая девушка работает врачом в доме престарелых на самой окраине нашего городка. Честно говоря, я ожидала, что она достигнет в жизни гораздо большего.

– Красивая кофточка. – Маринка трогает воротничок моей блузки в горошек.

– Брось, – отмахиваюсь я. – Ты откуда вообще взялась?

Собственный голос кажется мне недостаточно радостным, хотя я Маринке по-настоящему рада. Скорее всего, это действительно депрессивное место.

– Мужу предложили хорошую должность на ликеро-водочном три года назад, и дом мы выкупили в «Воробьях».

– Где?

– В «Воробьях». Это университетский жилой комплекс, здесь недалеко. У меня ведь еще дочка родилась, ей четыре года всего. – вздохнув, она добавляет: – Поэтому меня так разнесло.

– Тебе очень идет.

Кстати, я ничуть не лукавлю. Полнота слегка съела Маринкин античный нос, который в сочетании с темными волосами и оливковой кожей придавал ей сходство с цыганкой. Или с Верой Павловной из «Что делать?», которая всю юность переживала из-за этой своей смугловатой кожи. Я, по крайней мере, именно такой Веру Павловну представляла.

– Внуки есть? – спрашиваю я.

– Нет. Павлик такой человек, для себя в основном живет. – Она отвечает как-то уклончиво, и тут я понимаю, что чувство неизмеримой грусти, которое я приписывала атмосфере дома престарелых и которое пропитывает каждую деталь вокруг, исходит от самой Маринки, Марины Андреевны Лебедевой. Что-то в ее облике есть пугающе странное. Не во внешности, нет. Выглядит она замечательно. Под халатом угадываются яркий длинный свитерок и спортивные лосины, которые, кстати, весьма ее красят – циркульные ноги по-прежнему стройные. Но вот само выражение ее округлившегося лица, легкая блуждающая улыбка, не относящаяся особенно ни к чему.

– Так ты теперь в библиотеке работаешь? – спрашивает она будто о большом достижении.

– Да, уже давно, лет десять. С КИБО езжу, то есть так наша машина называется. Комплекс информационно-библиотечного обслуживания. Я раз в неделю сюда приезжаю с книжками. Бабушки хорошо любовные романы берут.

Всякий раз, занося в бабушкин формуляр книжку под названием «Темная страсть» или «Таинственный любовник», я думаю, что жизнь этой бабушки, скорее всего, точно так же прошла мимо, как и моя. А когда бабушка очнулась, было уже слишком поздно. То есть категорически поздно, – это когда у тебя не остается ничего другого, кроме пары фильдеперсовых панталон, вставной челюсти, десятка шпилек, чтобы удерживать на макушке жидкий седой пучок, пачки амлодипина, каши на завтрак и ужин, памперсов на всякий пожарный, ежедневного сериала по телику и т. д.

– Вон наша кибощка во дворе стоит. – Я указываю в окно на раскрашенный автобус возле самого входа. – Кто может по лестнице спуститься, приходит сам. А кто не может, тому я книжки ношу. Заранее звонят в библиотеку и заказывают. Ты мне на сотовый звони, если что.

– Если что? Я позвоню. Конечно, – говорит она чересчур убежденно, будто клянется.

Потом мы еще вспоминаем школьные годы и как ели мороженое после фильма про Зину Портнову. А может, Зою Космодемьянскую. Или это было не мороженое, а простой обед в школьной столовке. А потом шли домой под одним зонтиком. И вроде бы это до боли

трогательные воспоминания, но почему-то они только усугубляют тоску. Не ностальгию, вовсе нет. А ту подлинную вневременную тоску, которая ни от чего не зависит, никогда не начинается, но никогда и не кончается. Она есть всегда, как само бытие, и особенно ярко вспыхивает на фоне разговоров о смерти юных девушек, которыми, собственно, насыщен наш коллективный опыт, но более того – на фоне смерти старых людей. Они уходят, подобно тому, как отжившие ссохшиеся листья покидают мировое древо, тихо облетают по одному. Но пока они еще способны шелестеть, пока цепляются за свою животворящую ветвь, кто знает, какие последние желания посещают их? Хотят ли они чего-то еще, кроме мандаринов, чая с сушками и голубых носков взамен изношенных?..

Потом, уже садясь в свой автобус, я напоследок машу окнам дома престарелых, потому что мне кажется, что в одном из них до сих пор стоит Маринка и смотрит, как я сажусь в автобус. Или не Маринка, но кто-то другой все равно стоит и смотрит, как сейчас со двора уедет автобус, на котором написан библиотечный номер телефона, по которому можно мне позвонить. Последнее обстоятельство теперь представляется мне ужасно нелепым.

* * *

Далеко не так все просто с этим домом престарелых. Вернее с тем, почему туда езжу именно я. Еще полгода назад это была забота Сильвии Михайловны Ивановой из абонементного отдела, дамы неопределенного возраста с волосами, очень коротко стриженными и серыми, как шкурка бродячей кошки. Она почти все рабочее время бывала на выездах, а когда выездов не случалось, обитала в дальнем уголке за полками, тихонько там шурша своими бумагами. Рассказывали, что в доме престарелых она читала бабушкам Пушкина и им это очень нравилось. У Сильвии была семья, причем вполне полноценная – муж-профессор и сын, который учился в консерватории. В общем-то, жизнь ее текла столь размеренно и незаметно, что даже не давала повода для сплетен. Говорить было просто не о чем. До тех пор, пока прошлой осенью Сильвию не убили.

Да! Все это представлялось каким-то липким мороком. В тот вечер – сумрачный и промозглый – она не вернулась в библиотеку с КИБО, как обычно, а почему-то отправилась пешком в сторону вокзала через пустошь, которая начиналась как раз за домом престарелых, то есть за мостом через речку, и тянулась вдоль железнодорожного полотна метров пятьсот. Не так уж и далеко, можно пробежаться по мерзлой земле, я сама ходила там пару раз, правда, днем, когда надо было попасть на «четвертый» автобус, который останавливается как раз возле вокзала. Но отправиться через пустошь в сумеречный вечер?.. Там же нет ни одного фонаря. Только свет луны и огни городских кварталов – через полотно железной дороги, а по другую руку частные дома с огородами. Сильвию нашли только следующим утром. Бригада дорожных рабочих приехала поправить размытую дождем насыпь, а под насыпью как раз лежала и смотрела в небо она, простите за не совсем уместную цитату. Тогда я узнала, что Сильвия была, оказывается, на пять лет моложе меня, но я обращалась к ней по отчеству. Во-первых, в библиотеке так принято, а во-вторых, держалась она чрезвычайно солидно, носила туфли на низком каблучке и черный строгий беретик. Черт! Кому понадобилась незаметная библиотекарша? Ее ведь не изнасиловали, слава богу, только сняли колечко и золотую цепочку. Говорят, что на лице ее, обращенном в морозное небо, застыло странное недомысленное выражение, совсем не характерное для человека, которого задушили собственным шарфиком. Как будто она вот именно вопрошала: «Ну зачем вам библиотекарша?»

Следователь заходил в библиотеку пару раз, допрашивал буквально всех и каждого, шерстил бумаги на ее столе, записную книжку. Но ничего особенного не обнаружил, кроме обычных деловых контактов, в том числе с домом престарелых. На сотовый ей тоже никто особенно не звонил, кроме сослуживцев, родственников и особо активных читателей, кото-

рые просили привезти ту или иную книгу. Разве что в ящике рабочего стола Сильвии обнаружилась тетрадь, в которую она записывала свои стихи. А ведь никто и не подозревал, что Сильвия баловалась стихами, причем любовными. «Тот голос в телефонной трубке, он мне как будто бы знаком». Как девчонка, ей-богу! Допрашивали и обитателей дома престарелых, особенно тщательно – полоумного старика Василия Петровича, который за что-то ненавидел голубей и все грозился их расстрелять. Однако в вечер убийства ему как раз делали электрофорез, а потом он смотрел телевизор и никуда не отлучался. Главное – ну какой был смысл убивать Сильвию ради колечка с цепочкой? Впрочем, смыслы многих поступков, насколько я успела убедиться, часто лежат не снаружи, не в окружающих нас вещах и явлениях, а в нас самих. И бессмыслица тоже.

Кому нужна библиотечка? Именно. По большому счету, человек не нужен никому, кроме своих близких. Это доказывает фраза, которую все чаще приходится слышать: «Хороший человек – это еще не профессия». То есть теперь вовсе не обязательно быть хорошим человеком. Или вовсе не обязательно быть человеком вообще, достаточно исполнять определенные функции, чтобы получать фиксированную зарплату, покупать какую-никакую еду и одежду, поддерживая собственное существование. Ну да, рабочее место все активнее автоматизируется, и вот, возвращаясь с работы и накормив своего сына-студента, а также кота, который равно не умеет добывать пищу самостоятельно, я думаю: сегодня ты обслужила восемь человек в читальном зале, потом с КИБО съездила в дом престарелых, где обслужила еще двенадцать бабушек, дома – еще одного человека и одного кота. В принципе, если вместо тебя в библиотеке будет сидеть кто-то другой, от этого ничего не изменится. Потому ты сама как таковая никого не интересуешь. Как не интересовала и Сильвия. О чем она думала? Что читала? Вообще-то, если вместо тебя кто-то другой дома приготовит пищу, чтобы накормить человека и кота, они в конце концов к этому привыкнут и успокоятся. А я буду коротать остаток дней в доме престарелых, где находятся люди, которые вообще уже никому не нужны.

Нет, пока что, на днях, я понадобилась еще Пенсионному фонду¹. Как обычно, загодя вызывают всех граждан перед отправкой не в последний путь, разумеется, но близко к тому. Такой легкий намек на то, что жизнь рано или поздно кончится. Это, безусловно, всем с самого начала известно, но тут тебе вроде как уже выписывают билет в один конец. По крайней мере, так я рассуждала в очереди в кабинет инспектора. В этой очереди стояли мои ровесницы.

Бывшие девочки, с которыми я некогда ходила в детский сад, потом в школу, часто через «не хочу» – не только потому, что утром так не хотелось вставать, а еще потому, что девочки смеялись надо мной, скромницей с большими бантиками. Девчонки – которые курили втихаря на заднем дворе и мазали ресницы польской тушью. Мне краситься запрещали родители, вдобавок я страдала от прыщей на лбу и подбородке... Потом была трудовая жизнь, которая почти мгновенно перегорела – работа в школе с перерывами на декретный отпуск, библиотека. И вот мы стоим в одной очереди. И какая-то беззубая девочка с остатками былой веселости на одутловатом лице жалуется всем и одновременно в никуда, что в девяностые годы работала парикмахером в ЧП «Блондинка», а ЧП, оказывается, не платило взносы в Пенсионный фонд, и где теперь искать концы, когда нет ни ЧП, ни хозяев. А у нее трое детей, три декретных отпуска, которые исключаются из трудового стажа... Да. Что пользы человеку от трудов его? Лицо бывшей девочки кажется мне знакомым, и я будто бы помню ее юной. Кругленькой, курносой, похожей на ладную курочку. Может быть, однажды у нее стриглась. Наконец подходит ее очередь, и она шлепает по коридору к заветному окну в резиновых, не по погоде, шлепанцах. Так это мне еще повезло? Зубы, по крайней мере, на месте.

¹ В северных районах Российской Федерации женщины выходят на пенсию в 50 лет.

* * *

Маринка звонит мне в четверг вечером, где-то через неделю, но все-таки звонит. При чем на библиотечный номер. У нее странный, с хрипотцой, голос, причем она представляется по имени-фамилии, как получужой человек: «Это Марина Лебедева», хотя разве бы я не поняла, что это она. И в паузах тяжело дышит в трубку. Маринка говорит, что нам нужно встретиться, лучше завтра, в кафе, в половине седьмого. Мне это не очень удобно, потому что до половины седьмого после работы еще полтора часа, которые надо на что-то убить, но я не успеваю ей об этом сказать, потому что она резко, почти на полуфразе обрывает разговор, как будто ее кто-то спугнул. И я не решаюсь перезвонить, а через полчаса мне уже кажется, что все Маринкины странности мне только почудились, потому что мы слишком долго с ней не общались. Целую вечность. Жизнь.

И современным детям наверняка бы показался странным именно наш бывший максимализм, который проскальзывал в малейших поступках и даже потаенных мыслях. Например, я, готовя себя к пыткам в застенках врага (тогда все опасались войны с Китаем), однажды раскалила нож на газовой горелке и приложила к запястью. Запахло паленым мясом, как пишут в рассказах о партизанах. Действительно запахло, хотя я выдержала какие-то доли секунды и сразу отдернула руку. Тоненький шрам сохранился у меня до сих пор напоминая о собственной глупости или – не знаю, как еще это назвать. Так разве что истязали себя средневековые фанатики. Об этом я вообще никому не рассказывала. Даже Маринке. Хотя обычно делилась с ней всем на свете.

Пятница вообще странный день. Библиотека закрыта для читателей, и именно в такие дни возникает подозрение, что можно вообще обходиться и без них, то есть работать не для людей, а для самих себя, попутно выбирая, что бы еще почитать. Сегодня тем более некуда спешить, у меня полтора часа времени, которые без зазрения совести можно отдать безделью, шатанию по магазинам и т. д., хотя ничего не собираюсь покупать принципиально. Да и вообще, если спросить себя, чего я действительно хочу? Включая желания явные и вытесненные в бессознательное. Ну, там как в детстве хотелось мороженого в вафельном стаканчике или новую куклу, то сейчас я абсолютно конкретно хочу выйти на пенсию, чтобы иметь верную копейку на черный день. И больше уже ничего не хочу. Наверное, это неправильно. Но именно этого хотят практически все женщины, в нашей библиотеке по крайней мере. Все начиная где-то с тридцатилетнего возраста. И вот, наконец, еще каких-то полгода, и – уважаемая Анна Константиновна, поздравляем вас с пятидесятилетием! А с чем, собственно, поздравлять-то? Чего хорошего, в самом деле? Если честно, я раньше вообще не верила, что когда-нибудь мне стукнет пятьдесят. И ведь ничего, живу.

Перепрыгивая через лужи, я уверенно продвигаюсь улочкой к кафе «Свиристели», в котором Маринка назначила мне свидание. Резкий воздух весны теперь заставляет только слегка покашливать, когда сырость проникает за воротник, и уже ничего такого не будит в душе, никаких розовых надежд, как это прежде случалось каждой весной. Раньше в «Свиристелях» было кафе-мороженое, и я еще думала, а что же такое означает название, похожее на глагол: что делали? Свиристели. Куда свиристели? Зачем?.. И вот о чем мы с Маринкой на сей раз собираемся свиристеть и почему нужно было встретиться именно там, я даже предположить не могу. Странный день сегодня, говорю. После обеда сразу звонил какой-то странный тип, может быть, просто хотелось человеку поговорить. А я вместо «да» еще ответила официально и серьезно: «Информационный комплекс библиотечного обслуживания». Выдержав некоторую паузу, он наконец произнес «Здравствуйте», а потом почему-то спросил:

– Вам не знакомо такое чувство, что вы себя как будто бы потеряли?

– А почему вы спрашиваете об этом меня? – Я действительно крайне удивилась вопросу.

– Потому что меня интересует именно вы.

– А вы, дорогой товарищ, куда вообще звоните?

– В Информационный комплекс библиотечного обслуживания, вы же сами представились.

– Таких справок мы не даем.

– Но я же могу спросить у вас лично.

– Только не в рабочее время.

– Хорошо. Давайте в нерабочее. Вот видите, вы сами предложили.

– Что предложила?

– Встретиться. Например, в пять у памятника Пушкину.

Я просто повесила трубку.

Разные, конечно, люди нам звонят, иногда действительно не умея сформулировать свою просьбу. Но что еще более странно, этот абонент совершенно верно обозначил мое внутреннее беспокойство. Я потеряла себя уже сравнительно давно. Насколько давно, даже не решаюсь прикинуть. И нынешнее мое блуждание по сырым улицам в попытке просто убить время напоминает именно это, поиски себя – пропавшей, заблудившейся в городе своего детства. И вот, поймав себя на том, что выражение «убить время» теперь звучит не больно-то корректно, я обнаруживаю себя под вывеской секонд-хенда. С витрины призывно-нагло пялится на меня коричневое пальто, радостно распахнув рукава, шляпка «прощай, молодость», прилепленная сверху, сидит на палке как-то криво, будто ухмыляясь. Дверь упруго отдает в плечо, и пространство, завешенное старым тряпьем, поглощает меня. Нет, я, в принципе, ничего не имею против секонд-хендов. Я их даже люблю. По крайней мере, они создают иллюзию покупки обновы, причем способны доставлять эту радость практически каждую неделю, а какая женщина устоит?

Вообще глубокое заблуждение, что все библиотекари мымыры. Это в каком ракурсе на них посмотреть. Вот я иногда из-за кафедры своего отдела смотрю на иную сослуживицу и думаю, какая же она в самом деле красотка, только не подозревает об этом. Ей бы седину закрасить да чуть приодеть. И ведь ни одна собака ей этого не скажет. Я в том числе. Потому что не знаю, как сказать-то. Библиотекари консервативны, это правда. Лет десять назад я надела на службу лосины в цветочек, и на планерке высказали общее пожелание одеваться скромней, тем более дамам «в возрасте». Но я все равно продолжаю носить лосины, просто потому, что удобно. И что главное – они не растягиваются на коленках. Может, это компенсаторная реакция на травму детского возраста. На рейтузы то есть. Увы, далеко не все последствия травмы можно излечить. Я об этом узнала из книжки по психоанализу, ну, что невозможно изменить то, что произошло, отменить сам факт случившегося, то есть советские рейтузы, испоганившие мне детство.

И вот, оказавшись один на один с этим пальто, я чувствую, что попалась, что есть в нем некое отрицательное обаяние, причем настолько сильное, что я не могу с ним справиться.

– Вот это пальто, – я говорю продавщице почти скороговоркой, будто боясь упустить удачу, – можно примерить?

– Конечно, оно точно ваше! – вне всякой иронии отвечает продавщица, кстати, весьма стильная для секонд-хенда, с малиновым «ежином» волос и пирсингом на бровях. – Просто ахматовское. Я бы себе взяла, да не влезаю.

Нырнув в пальтушко, я вижу в зеркале даму интересного возраста, весь «интерес» которой подчеркивает именно коричневое прямое пальто, отороченное кудрявым искусственным мехом.

– В вас есть что-то от Катрин Денев, – говорит продавщица. – Профиль, волосы.

Я понимаю, что она говорит это с единственной целью – втюхать мне пальтушко, которое точно уже никто не возьмет, кроме отчаявшейся библиотечарши, поэтому, подыгрывая ей, спрашиваю, сколько стоит.

– Всего пятьсот рублей! У нас сегодня акция на всю верхнюю одежду.

– Беру! – решительно заявляю я. (Так ведь это мне еще повезло!) – И вообще я в нем пойду. Да. А курточку спрячем в пакет.

Я еще некоторое время стою в пальто перед зеркалом, может быть, подспудно представляя, что я не на местной барахолке, а где-нибудь в Париже (но тоже на барахолке, естественно). Какая, в принципе, разница? В любом случае я куплю это пальто и буду разгуливать в нем по улицам нашего городка (вернувшись домой из Парижа) – на этом месте я саркастически усмехаюсь. Нет, мне действительно необычайно уютно в этом винтажном пальто, хозяин которого наверняка надевал его всего пару раз, а может, и вообще не надевал, разочаровавшись. Не в жизни, а именно в этом пальто. Хотя остается вероятность, что он купил его загодя на распродаже и попросту не дожил до весны, утонул под Рождество где-нибудь на Карибах, или его проглотила акула. Какое мне до этого дело. Я отхватила шикарное пальто всего за пятьсот рублей, хотя еще полчаса назад совершенно не собиралась этого делать.

Вероятно, вместе с пальто я натягиваю на себя новый образ, потому что становится вообще как-то радостней и светлей, и я врываюсь в кафе «Свиристели» в странном боевом настроении, оглядывая публику с высоты своего нового образа. Здесь мало что изменилось со времен кафе-мороженого. То есть стены облицевали дорогими обоями и панелями, повесили новые светильники, и все-таки под этой шикарной, но какой-то ненастоящей оболочкой просвечивает бывшая кафешка, в которой мы каждое воскресенье поглощали изысканное лакомство социализма – мороженое с сиропом. И стоит мне небрежно повесить пальтушко на ошкетинившуюся вешалку у окна (вот еще достоинство шмоток с барахолки – с ними можно обращаться аристократически небрежно), как меня охватывает странное чувство, будто я только что себя обрела. Ну, ту самую себя, давно потерянную. Наконец-то я – действительно я.

Маринка заскакивает в кафе минуты через две после меня – мы всегда были пунктуальные девочки. Она в спортивной курточке с капюшоном и коротких сапожках на плоской подошве. Наверное, так и не научилась носить каблуки. Нацепив курточку на рог вешалки у окошка, она усаживается напротив меня и с лету говорит:

– Чаще всего человек сам знает, чем можно его вылечить. Для этого приходится только очень долго беседовать с ним, иногда четыре-пять часов.

Мне хочется помахать ладонью перед ее лицом – эй, ты о чем? Наверняка это вступление из-за такта – продолжение ее внутреннего монолога, но я хоть убей не пойму, о чем это.

– Я имею в виду гомеопатию, – подытоживает Маринка.

– Гоме-о-па...

– Я уже пятнадцать лет веду частный прием. – Маринка наконец отвечает по-человечески. – Стажировалась в Лондоне, в гомеопатической клинике. Честно говоря, в традиционной медицине разочаровалась еще в университете, она ничего вылечить не может.

Ну, предположим, да. Но неужели она хотела поговорить со мной именно об этом?

– В моей практике были удивительные случаи. – Она продолжает, невзирая на мое явное недоумение. – Две женщины забеременели уже в зрелом возрасте, когда от них отказались врачи. Причем все случилось естественным образом.

– Мне это уже не грозит. – Я пытаюсь чуть развеселить ее, а заодно себя, потому что какого ж рожна, в конце-то концов.

– Ой, не зарекайся, я Ленку в сорок шесть родила. Два месяца на сохранении, с постели не вставала, зато теперь дочка есть. Плохо, что ли? – И сразу, скороговоркой, она продолжает: – Я могу у вас в библиотеке лекцию прочесть по гомеопатии, и конкретнее – почему

болеют дети, например. Наверняка у вас работает много молодых мам, а у меня подготовлена целая презентация.

– Пожалуйста, только надо заранее договориться, за неделю хотя бы, чтобы подготовить аудиторию. – Я подспудно перехватываю ее деловой тон, и от этого мне самой становится очень противно. – Может, мы что-нибудь все-таки закажем? Я возьму молочный коктейль, например.

– Да, конечно, молочный коктейль. Здесь официанты обслуживают?

Здесь всегда обслуживали официанты, даже во времена нашего советского детства. Обслуживали мучительно долго, причем мне так казалось, что дело именно во мне. Ко всем прочим столикам подходили гораздо быстрее, а меня предпочитали мариновать в мучительном ожидании. Может быть, я выглядела столь безропотно, что меня именно можно было заставить подождать. Но уже потом, в ретроспекции, я поняла, что смысл посещения кафе-мороженого состоял, может быть, в самом ожидании этого короткого момента наслаждения мороженым с сиропом, которое поглощалось в считанные минуты. А еще – в эти моменты ожидания можно было по-го-во-рить с подружкой. И вот теперь выходит, что с той же самой подружкой, Маринкой, поговорить по-человечески почему-то нельзя.

Я глазами подзываю мальчика-официанта к нашему столику, и он с готовностью подходит.

– Два молочных коктейля, пожалуйста.

– Клубничных, шоколадных?

– Клубничных, – отвечает Маринка, и я согласно киваю, да, два клубничных.

– Ты, наверное, знаешь, основной принцип гомеопатии: подобное лечится подобным.

– Да, я что-то такое припоминаю: раньше сердце лечили пастушьей сумкой, потому что у нее плоды в форме сердечек. Яков Бёме, он ведь об этом писал? – Я таки пытаюсь нащупать общую тему для разговора.

– Да. Все в мире является воплощением Божественной любви, и каждый объект – слово Господне, – это Бёме. А в переводе на современный язык: мир – это текст, который можно и нужно прочесть. Тем более если это действительно текст, который произносит человек. Это самое подобие, которое его вылечит, человек обычно знает сам. Его только очень сложно вытащить из бессознательного.

– Ну, например, у меня давление скачет, и официальная медицина разве что снимает симптомы. Что ты посоветуешь?

Вообще-то я терпеть не могу говорить о своих болезнях, по-моему, это только усугубляет их. Подумаешь, давление. Возможно, это всего лишь свидетельство нашего инопланетного происхождения.

– Давление! О-о! – радостно подхватывает Маринка. – Ты наверняка сама знаешь, чем можно тебе помочь, если только подольше поговорить, причем о чем угодно.

Да ты же сама, подруга, говорить не хочешь! И чем особенным тебя увлек Бёме, средневековый ум, зашоренный слепой верой в божественное предопределение и алхимией?

– Павлик чем занимается? – спрашиваю я, пытаюсь ее разговорить.

– Он фотограф, у него своя студия.

«Творческая элита? – под сурдинку соображаю я. – Поэтому он для себя живет?»

– Павлик обещал забрать меня из кафе, вы с ним сегодня встретитесь.

Очень интересно. Всегда интересно смотреть на чужих повзрослевших детей, искать, насколько они повторяют родителей и меня саму в юности. Потому что все юные люди похожи друг на друга – именно своей юностью, а еще ярким желанием жить.

Коктейли приносят чрезвычайно быстро. Я до сих пор не понимаю, почему в СССР коктейли были столь изысканным лакомством. Неужели их так сложно взбить? Или просто

советских детей не хотели чересчур баловать? Кто так решил? Партия? У меня, например, папа был коммунист. Однако он меня баловал при первой возможности.

– Очень вкусно. – Сунув соломинку в рот, Маринка наконец включается в ситуацию.

Но почему вдруг Павлик забирает маму из кафе?

– Я даже не представляю, что там в «Воробьях», – на всякий случай уточняю я.

– В «Воробьях»? Типовые коттеджи. Мы возле самого леса живем, по вечерам даже жутко бывает. Прошлой зимой соседскую кошку утащил волк. Дорогу потом к нам до сих пор не проложили, грязи по колено.

Но стоило ли выбираться в центр ради лекции о гомеопатии?

– Марин, ты о чем-то поговорить хотела?

– Да, лекция. Если в пятницу через неделю? Я как раз отдыхаю в пятницу. – Она знакомым жестом поправляет выбившуюся прядь, и в раструбе рукава ее обширного свитера вроде бы мелькает здоровенный иссиня-желтый синяк на запястье. – Лекция у меня на час, потом вопросы. Лучше, если придут молодые мамочки или бабушки.

Она еще что-то говорит о том, почему именно болеют дети, то есть причина болезней – не инфекции и не простуда. Но я почти не слушаю, стараясь поймать в раструбе рукава покалеченное запястье. Да что же это такое?!

– Павлик приехал, – бросив взгляд в окошко, Маринка сворачивает разговор. – В общем, мы договорились. Ровно через две недели в пять.

Я согласно киваю, и у меня возникает подозрение, что Маринка почему-то не хочет, чтобы Павлик узнал про эту лекцию. Однако он уже стоит в дверях. Кажется, это действительно он, Маринкин сын Павлик: длинноволосый брюнет с оливковой кожей, пожалуй, слишком красивый для наших краев, в которых мужички либо кряжистые, приземистые, либо хлипкие, что болотные осинки. Мама его спешно натягивает курточку и, кивнув мне на прощание, отчаливает. Когда они покидают зал, я замечаю, что Павлик сильно хромотает. То есть не просто припадает на правую ногу, а именно заваливается, и сразу чувствую небольшой укол разочарования. Вернее, становится очень обидно, что парень такой красивый – и вот хромой.

Когда, расплатившись, я покидаю кафе, они все еще стоят на крыльце и, кажется, о чем-то спорят, однако при виде меня резко смолкают.

– Это Павлик? – спрашиваю я одновременно Маринку и Павлика.

– Да, – отвечает Павлик. – А вы Анна Константиновна?

– Угу.

Мне сразу хочется зарыться носом в воротник пальто и побыстрее скрыться – именно от собственного отчества. Обидно, честное слово, когда молодой мужчина к тебе по отчеству, но одновременно внутренний противный скептик успевает вставить шпильку: «А ты как думала, старая?..»

– Вы на какую-то артистку похожи, – неожиданно говорит Павлик.

– Софи Лорен? – Я саркастически усмехаюсь.

– Нет, Катрин Денев! Точно. Профиль, волосы.

Тряхнув шевелюрой, я предпочитаю растаять в вечерних сумерках. В центре города они до сих пор сравнительно романтичны. То есть по сравнению с юностью. Тогда казалось, что сумерки проявляют какие-то тайные стороны, смыслы нашего города. Какие именно? Я так и не сформулировала для себя, но не могло же так быть, что вот написано на доме: «Столовая № 2», и ничего иного эта надпись не подразумевает. Ведь даже внутри столовой есть зал, в котором едят и в котором более-менее красиво и чисто, а есть кухня и подсобки, которые никому не показывают и в которых красота уж точно не ночевала. И подсобные рабочие ругаются матом. Хотя это уж слишком грубый, обратный пример. А мне хотелось как раз иного, чтобы за стенами домов скрывалась некая необыкновенная жизнь. По крайней

мере, не та, которой жили мы: школа-дом-двор-дом-телевизор. И я думала, что эта необыкновенная жизнь вот-вот начнется, стоит мне только окончить школу, потом университет.

В витрине бутика плакат навязчиво советует: «Пусть за тебя говорит твоя обувь». О нет! Это чтобы я пришла, например, в Пенсионный фонд, а мои башмаки вдруг бы распахнули подметки с мелкими гвоздиками-зубами и сказали, что эта девушка достойна гораздо большего, нежели вы можете дать. Запахнув потуже пальтушко, я шагаю в сумерках к остановке. И где-то высоко-высоко, на чьем-то балконе, раздается едва уловимый перезвон. А может, мне только кажется. Или это отзвуки моей непрожитой жизни.

* * *

Всякий раз, включая душ, я намереваюсь постоять под ним подольше, поплескаться, как это показывают в кино, с фырканьем. Но стоит потокам воды смыть первую усталость и прочее, что там накопилось за день, как тут же сквозь струи продергивается противный вопрос: а что я тут делаю? Что я тут стою как дура? Даже если нет никаких неотложных дел, этот вопрос все равно прорастает. Может быть, потому, что всю прежнюю жизнь, до того как сын обрел кое-какую самостоятельность, приходилось спешить, суетиться, и ведь мне казалось, что это и есть жизнь. А теперь выясняется – суета. Да, именно, суета сует. Екклесиаст определенно депрессивен, но именно этим прав. Как правы дети, отмечая свое появление на свет громким плачем. Плач – естественная реакция на жизнь, но я уже не помню, когда и плакала.

Однако сегодня я долго стою под душем, позволяя воде свободно обтекать тело. И столь же свободно, сами собой и будто даже независимо от меня текут мысли после этого разговора. Опять звонил странный тип, который звонит, только чтобы высказаться, ничего не требуя взамен. Пока что не требуя, по крайней мере. Он перешел на «ты», и я согласилась, потому что странно обращаться на «вы» к провокатору, который только и ждет, что ты сорвешься, ляпнешь лишнее. А что именно лишнее, довольно сложно определить, когда не знаешь, с кем вообще разговариваешь и чего конкретно он добивается.

– Ты одна? Можешь поговорить?

Я не сразу поняла, кто это, поэтому ответила неопределенно, хотя действительно сидела одна за стеллажами и пила чай, вернувшись из дома престарелых с КИБО. Маринки там на сей раз не было, остальное развивалось по обычному сценарию – выдача книжек, монологи о лексиконе Пушкина и просьбы старухи Казимировны купить ей голубые носки.

– Итак, ты наконец осталась сама с собой. Тебе не надо притворяться, изображать кого-то, кем ты не являешься на самом деле.

– А я, между прочим, никого не изображаю.

– Ну как никого? Например, скромную библиотекаршу, которая сидит в своем книжном подвале. А между тем ты достойна лучшей доли.

– С чего ты взял?

На несколько секунд в трубке воцарилось молчание, потом он наконец ответил, по моему, невпопад:

– Большинство людей в нашем мире совершенно не ценят жизнь.

– Слушай, ты вообще кто? – Такие неопределенные ответы кого угодно способны вывести из себя. – Тебя как зовут?

– Зачем тебе мое имя? Разве оно способно что-то добавить к разговору или отнять? Имя написано в паспорте, но то ли оно, сакральное, настоящее имя, которое носит наша душа?.. Давай договоримся, что я – анима...

– Кто?

Он будто не услышал вопрос:

– Так ты не хочешь встретиться? Почему? Ты чего-то боишься?

В этот момент в каморку зашла Наташа Смирнова из справочного отдела, и я быстро свернула разговор, потому что пускаться в пространные разговоры ни о чем при свидетелях тем более глупо. Хотя оно, конечно, глупо и само по себе.

– У тебя аспирин есть? – спросила Наташа.

– Нет. А зачем тебе?

– Голова болит.

– Аспирин помогает?

– Мне помогает.

– Есть пенталгин. – Я нашарила таблетки в ящике своего стола. – Дать?

Наташа кивнула. Потом, проглотив таблетку, спросила:

– Это кто звонил?

А какое ей дело? Хотя в женском коллективе всем до всего есть дело.

– Так. Один странный тип...

Наташа сказала, что однажды, замещая Сильвию, она взяла трубку, а там действительно звонил какой-то странный тип. Убедившись, что она не Сильвия, стал распространяться по поводу того, что слишком многое в жизни обманчиво, и в этом был прав, ведь даже молочные продукты производятся из ненастоящего молока. Ну так а когда оно было настоящим? В советские времена дефицитное бутилированное молоко отдавало противным порошковым привкусом, из-за этого я и не могла его пить, а родители меж тем пытались мне внушить, что где-то в Эфиопии дети вообще не знают, что такое молоко. С тех пор я вообще не люблю молоко. Означает ли это, что я одновременно не люблю свое детство? Странно, но все опять вернулось к детству, вкусу молока, «оральной фазе», как говорят психоаналитики.

Но если Анима так настойчиво названивает в библиотеку, может быть, он хочет что-то настоятельно высказать именно библиотекарю? То самое, что лежит в основе его расстройства и о чем он сам, вероятно, не знает определенно... да, именно. Человек всегда сам знает, чем можно его вылечить, – ведь об этом говорила Маринка. И он рано или поздно назовет лекарство, если только с ним подольше поговорить! А Наташа еще спрашивает, зачем я с ним разговариваю. Справочники, то есть работники справочного отдела, всегда требуют четкой формулировки: о чем конкретно вы хотите узнать, дорогой читатель.

Потом Наташа долго искала в стопке новых поступлений роман Элизабет Гилберт о женщине умной и некрасивой и о том, что женское счастье все равно может состояться, несмотря на то что оно не состоялось в традиционном смысле. На ней было яркое платье в крупную клетку, которое ее полнило. И от колыхания ее крупного торса в клеточку у меня зарябило в глазах. Наташа периодически стреляла взглядом в окно – оно выходит в скверик, на памятник Пушкину. А там, на скамейке возле Пушкина, как раз сидел какой-то дядька и нервно курил сигарету за сигаретой. Мордатый, малосимпатичный, но при этом весьма прилично, даже с шиком одетый, это было заметно даже из нашего окна: пальто не пальто, шляпа не шляпа... На социопата не похож и для такого культурного места, как памятник Пушкину, слишком солиден. Возле памятника, помимо анонимов, обычно назначают свидания студентки, еще не растерявшие романтических иллюзий, или ошиваются бабушки, подкармливающие голубей, которые потом гадят Пушкину прямо на голову.

Оторвавшись от своих поисков и заметив, что я тоже смотрю на этого дядьку, Наташа спросила:

– Ты бы за такого вышла замуж?

Она вообще озабочена. Однако если дама попадает в библиотеку, не успев предварительно выйти замуж, тему можно считать закрытой. Начитается дурацких книжек, а потом бесконечно, но тщетно ищет романтический идеал.

– Нет, зачем? – Я отвечаю, даже не думая.

– Ну а если совсем край? Что даже и есть нечего.

– Все равно бы не вышла. Жизнь сама собой может наладиться, а муж останется.

Да и вообще этот вопрос для меня потерял актуальность. Стоя под душем, я еще вспоминаю анекдот про Штирлица. Как он зашел к Мюллеру, узнал секретные сведения, а потом спросил таблетку аспирина: голова, мол, болит. И когда Борман стал выпытывать у Мюллера, зачем приходил Штирлиц, Мюллер ответил, что за аспирином, потому что запоминается только последняя фраза. А мы с Наташей Смирновой напоследок порассуждали о том, кто красивее: Ален Делон или Бельмондо. В молодости, несомненно, Ален Делон. Зато Бельмондо удачно состарился и до сих пор эффектен, а от Делона уже ничего не осталось. При чем тут Ален Делон? Или Наташа Смирнова знает о мужчинах что-то такое, чего не знаю я? Нет, в данном случае я хочу конкретно узнать, что же такое анима. Вылезая из душа и едва обтеревшись, я включаю компьютер. Википедия отвечает определенно:

«Анима и анимус (от лат. *anima* и лат. *animus* – «жизненное начало» или «душа» соответственно в женском и мужском родах) – термины, введенные в психологию Юнгом для обозначения архетипических образов, связанных соответственно с женским и мужским полом. Юнг связывал анимус с категоричными, жесткими, чрезмерно принципиальными, направленными вовне решениями, а аниму – с влиянием эмоций, настроений и направленностью внутрь. Предполагается, что каждый человек воплощает в себе элементы анимы и анимуса, в пропорциях, не определяющихся его половой принадлежностью. Так в характере мужчины может доминировать анимус, а может и анима. Так как анима и анимус обозначают архетипические образы, по определению коренящиеся в общественном сознании, то и их связь с полом находится в общественном сознании, а не в биологических особенностях человека, связанных с полом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.